

НАЦИОНАЛЬНО - ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ВОСПРИЯТИИ ПОДРОСТКОВ

© 2003 Г.Г. Сергеева

Институт языкознания РАН

В последние годы под влиянием экстралингвистических факторов наблюдается значительное расширение практики межкультурной коммуникации. Это явление вызывает пристальный интерес современной лингвистики к проблеме прецедентности, имеющей непосредственное отношение к коммуникативной компетенции языковой личности.

Общепризнанным можно назвать в настоящее время положение о том, что владение собственно вербальным кодом того или иного языка, правилами его использования не является достаточным условием успешной межкультурной коммуникации. Овладение основами социокультурного кода того сообщества, на языке которого происходит общение, является тем звеном, отсутствие которого нередко порождает коммуникативные неудачи.

Тезис о национальной детерминированности культурного пространства, понимаемого как “форма существования культуры в человеческом сознании” [7, 90], находит отражение как в тенденциях развития лексикографии (лингвострановедческие словари, Словарь русской культуры Ю.С. Степанова, Русский ассоциативный словарь и др.), так и в теории языковой личности. В частности, Ю.Н. Караулов пишет о национальной составляющей в структуре языковой личности: “Некоторая доминанта, определяемая национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией, существует, и она-то обуславливает возможности выделения в общезыковой картине мира ее ядерной, общезначимой, инвариантной части” [10, 37].

Основными компонентами общего для всех членов лингво-культурного сообщества ядра знаний и представлений современной лингвистикой признаются прецедентные феномены, а именно: “1) хорошо известные

всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (“имеющие сверхличностный характер”); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества” [12, 170]. Среди них выделяются собственно вербальные: прецедентное имя и прецедентное высказывание – и вербализуемые: прецедентный текст и прецедентная ситуация. Кроме того, различным может быть уровень прецедентности. К проблемам межкультурной коммуникации имеют отношение прежде всего национально-прецедентные феномены, т.е. такие, которые “известны любому среднему представителю ЛКС и входят в когнитивную базу этого сообщества” [6, 26]. В частности, инварианты представлений об именах, относящихся к этому уровню, хранятся в когнитивной базе лингво-культурного сообщества, детерминированы национальной культурой и в определенной мере сами детерминируют такую.

В рамках настоящей статьи остановимся на рассмотрении прецедентных имен как национально-культурной составляющей дискурса. В этом отношении в силу возрастных психологических особенностей вызывает интерес изучение дискурсивного мышления представителей молодежной среды. Овладение ключевыми концептами национальной культуры происходит в процессе становления языковой личности, важнейшая роль в котором принадлежит периоду школьного обучения: “Школа, с ее функциональной направленностью на социализацию ребенка, является именно тем институтом, в котором закладываются (или должны закладываться) основы культурной грамотности, т.е. фоновых знаний, необходи-

мых для успешной коммуникации в пределах данной культуры. Школьная программа формирует весьма существенную, если не основную, часть национального корпуса прецедентных текстов, составляющего один из базовых элементов культурной грамотности” [15, 73]. Кроме того, в значительной мере склонная к неприятию официально санкционированных представлений, не совпадающих с личностными, подростковая среда с наибольшей достоверностью позволяет выявить представления, имплицитно присутствующие в русском коллективном языковом сознании.

Наше экспериментальное исследование, проведенное в форме семантического теста на свободную интерпретацию, опирается на методику, разработанную и апробированную Д.Б. Гудковым и В.В. Красных. Уточним некоторые теоретические положения, на которых базируется данная методика. Денотатом прецедентного имени признается представление об именуемом им “культурном предмете”, в нашем случае о художественном образе, литературном персонаже. В индивидуальном когнитивном пространстве языковой личности имя может быть связано с двумя денотатами: личным представлением и общенациональным инвариантом, хранящимся в когнитивной базе лингвокультурного сообщества в максимально редуцированном виде. Наличие такого инварианта является доказательством прецедентности имени. Возможность употребления не только экстенционально (для именованного), но и интенционально (для характеристики), а также аксиологичность подтверждают наличие коннотации. Под коннотацией прецедентного имени как вербальной единицы понимаются “устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета” [2, 159].

Подросткам старшего школьного возраста (10-11 класс) было предложено ответить на вопросы анкеты, состоящей из двух разделов и включающей 25 национально-прецедентных имен, связанных с ключевыми концептами русской культуры. Каждое из имен было дважды употреблено коннотативно, что позволяет выявить наличие либо

отсутствие национально детерминированного минимизированного представления, стоящего за ним, а также проанализировать структуру данного имени в восприятии подростков. В задании первого раздела предлагалось ответить на вопрос, например: *Что имеется в виду, если о человеке говорят, что он настоящий Печорин?* Соответственно во втором разделе задание формулировалось так: *Выскажите свое предположение о содержании статьи, озаглавленной так: “Современные Печорины”*. Таким образом, прецедентное имя рассматривается как средство характеристики, как “образец – положительный или отрицательный” [3, 64], указывающий на инвариантные представления тех “культурных предметов”, которые представляют собой эталоны национальной культуры. В этом случае описание некоторой совокупности признаков заменяется указанием на эталонное воплощение таких. Экспликация этих признаков на вербальном уровне представляет определенную трудность не только для межкультурной коммуникации, но и для носителей русского языка. Однако некоторые суждения, высказанные по данному вопросу, представляются несколько излишне категоричными: “Так, некоторый художественный образ может быть, конечно, означен на языковом уровне (*Печорин, Раскольников, тургеневская барышня*), но не принадлежит языковому сознанию, не может быть адекватно вербализован (для данных случаев тезис “мысль изреченная есть ложь” особенно актуален)” [6, 87-88]. Формирование знаний об общенациональном инварианте представлений в отношении этих имен и умений, позволяющих адекватно вербально эксплицировать соответствующие признаки, является одной из задач школьного литературного образования. И старшеклассники, как показывают результаты эксперимента, этими знаниями и умениями в той или иной мере владеют.

Овладение смыслами, стоящими за прецедентными именами как единицами языка и культуры, имеет прямое отношение к уровню понимания соответствующего прецедентного текста. Уточним, что под смыслом имени в данном случае подразумеваются “ассоциируемые с ним в сознании говорящих представления как фактического, так

и оценочного характера (так называемые ассоциации и коннотации)” [11, 12]. Иерархическое расположение типов понимания текста вслед за Г.И. Богиним рассматривается в виде восходящего ряда из трех уровней: 1) семантизирующее понимание, т.е. “декодирование” единиц текста, выступающих в знаковой функции; 2) когнитивное, возникающее при преодолении трудностей в освоении тех предикаций, которые лежат в основе составляющих текст пропозициональных структур и 3) распремечивающее понимание, “постоянно имеющее место при действовании с идеальными реальностями (частными смыслами как реальностями сознания, чувствования и воли), презентуемыми при этом помимо средств прямой номинации, но опредмеченными именно в средствах текста” [4, 105].

Связь с текстом-источником в некоторых случаях может отсутствовать, что не лишает имя статуса прецедентного феномена. Критерием в данном случае является наличие национально детерминированного минимизированного представления, включающего 1) дифференциальные признаки денотата имени; 2) его атрибуты; 3) оценку. В структуре прецедентного имени дифференциальные признаки составляют ядро и могут включать характеристику: а) по внешности; б) по чертам характера; в) актуализироваться через прецедентную ситуацию. Атрибуты относятся к периферии и представляют собой означающее, которое “тесно связано с означаемым ПИ, но не является необходимым для его сигнификации” [9, 90]. Совокупность дифференциальных признаков и атрибутов, а также общепринятой в лингво-культурном сообществе (пусть даже эксплицитно не выраженной) оценки делает имя прецедентным. Например, имя *Митрофанушка*, в последнее время часто употребляемое коннотативно печатными СМИ, имеет очень высокий процент “опознаваемости” (стоящие за ним характеристики широко известны), хотя связь его с соответствующим прецедентным текстом в значительной мере утрачена. Однако для имен, имеющих непосредственное отношение к ключевым концептам русской культуры, этот пример является скорее одним из исключений, чем доказательством законо-

мерности. Инвариант восприятия прецедентного имени хранится в когнитивной базе и актуализируется в коммуникации. И проведенные исследования подтверждают, что через имя, которое является лингвокогнитивным, вербальным феноменом, может актуализироваться прецедентный текст как вербализуемый феномен.

Роман “*Преступление и наказание*” – один из самых сложных прецедентных текстов русской культуры, входящих в общеобразовательную программу. Его изучение в школе нередко воспринимается как “попытка донести до сознания молодежи вещи, которые ей объективно непонятны в данном возрасте” [АиФ, 2002]. Однако полученные данные свидетельствуют о том, что подросткам доступно не только содержание как составляющая субстанции понимания, но и более высокая ступень – переход от содержания к смыслу. В частности, анализ структуры прецедентного имени *Раскольников* в их восприятии позволяет говорить именно о распремечивающем уровне понимания текста. “Опознаваемость” имени составила 93 % (иначе говоря, только 7 % респондентов либо ограничивались представлениями, что речь идет о герое романа Достоевского, либо не имели никаких представлений, связанных с этим именем). Как и предполагалось, ядерная часть инварианта восприятия имени *Раскольников* не имеет ярко выраженного характера (в силу множественности смыслов, заложенных в тексте-источнике). Доминирующий дифференциальный признак, также вполне прогнозируемый, связан с указанием на прецедентную ситуацию: 28 % составляет ответ *убийца старушек*. Однако 17 % респондентов, очевидно оценивая такую экспликацию представлений как неполную, информативно недостаточную, добавляют к ней уточняющие признаки: *ставший жертвой обстоятельств, побудивших его пойти на убийство; ставший убийцей ради блага других; раскаявшийся; несчастный человек; сбившийся с пути истинного, погубивший свою жизнь; у которого вся жизнь – сплошной раскол* и др. Весьма характерным можно назвать заголовок газетной статьи “*Раскольников подмосковного разлива*” с подзаголовком: “*Задержанный утверждает, что убивать старух ему*

было жалко, но себя – еще “жальче” [МК, 2003].

Для 18 % респондентов доминанта представлений связана не с прецедентной ситуацией, а с признаком денотата по характеру: *противоречивый; запутавшийся в себе*. Ответы подростков выступают в качестве вербальной экспликации представлений, имплицитно присутствующих и хранящихся в виде определенных когнитивных структур в русском коллективном языковом сознании. Наличие нескольких почти равновесных составляющих не противоречит утверждению, что перед нами национально детерминированный минимизированный инвариант представлений, стоящих за данным именем. Полисемичность функционирования имени *Раскольников*, как и неоднозначность оценки его денотата, обусловлена сложностью философской, социальной, этической проблематики текста-источника. Несмотря на многокомпонентность структуры имени, в ней практически не содержится дифференциальных признаков, которые нельзя было бы включить в некоторую группу, индивидуальные представления составляют не более 3 %.

Полученные в ходе эксперимента данные подтверждают, что сложность денотата прецедентного имени, не связанного с прецедентной ситуацией, оказывает особенно значительное влияние на диффузность, “распыленность” его дифференциальных признаков. Имя *Печорин* при 88 % “опознаваемости” содержит в своей структуре несколько признаков по характеру, и ни один из них не составляет более 13 %. Какая именно из характеристик подразумевается, если кого-либо назвали *Печориным*, определяется лишь через речевой и ситуативный контекст, вне которого подобную характеристику нельзя даже интерпретировать как положительную или отрицательную. Противоречивость денотата предполагает потенциальную множественность личностных смыслов, связанных с данным именем, что не исключает тем не менее наличие инварианта его восприятия. 9 % ответов: *герой нашего времени; герой своего времени* (не учитываемых при подсчете процента “опознаваемости” имени), а также распредмечивающий уровень понимания, репрезенти-

руемый в других ответах, позволяют говорить о том, что имя *Печорин* выступает в роли символа прецедентного текста. Иначе говоря, оно выступает как “имя собственное, служащее не только обозначением художественного образа, но актуализирующее у адресата и все коннотации, связанные с соответствующим прецедентным текстом” [10, 55].

Полифоничность, многоаспектность текста предполагает не только вариативность его интерпретации, но и некий инвариант его восприятия, детерминированный национально-культурной спецификой, а также объективным содержанием текста: “Несомненно, что каждый читатель “вычитывает” из текста несколько разное содержание. Однако, воспринимая текст по-разному, мы не строим различные миры: мы по-разному строим один и тот же мир. Этот мир мы можем видеть в разных ракурсах, с разной степенью ясности, можем видеть фрагмент вместо целой картины. Но никакое чтение не может привести нас к пониманию, скажем, “Капитала” Маркса как апологии капитализма или к восприятию Элен Курагиной как образца для подражания. Есть предел числу степеней свободы, и этот предел и есть объективное содержание или объективный смысл текста” [13, 144]. Выскажем предположение, что содержательная сторона структуры прецедентного имени – символа соответствующего прецедентного текста в определенной мере является отражением этого смысла. Совокупность входящих в нее дифференциальных признаков представляет собой “не просто набор или “пучок” характеристик, но сложную систему” [9, 89]. Доминирование одних признаков и периферийное положение других не во всех случаях является основанием для исключения последних из ядерной части когнитивной базы, понимаемой как “структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингво-культурного сообщества” [6, 30]. В отличие от культурного пространства когнитивную базу формируют не представления как таковые, а инварианты представлений, хранящихся в минимизированном, редуцированном виде. Именно надличностный инвариантный ха-

рактер знаний и представлений, входящих в когнитивную базу, предопределяет их значимость для межкультурной коммуникации. При всей трудности в отношении адекватной вербальной экспликации представлений, стоящих за прецедентным именем *Печорин*, для среднестатистического носителя русского языка это имя, употребленное коннотативно, как средство характеристики, не нуждается в дополнительной расшифровке. Но актуализация того или иного дифференциального признака в данном случае находится в большей зависимости от контекста употребления, чем для других имен (*Хлестаков*, *Плюшкин* и др.) Можно предположить, что для таких феноменов, как прецедентное имя *Печорин*, именно сложно организованная система смыслов представляет инвариант восприятия. И без того пронизываемые границы ядерной части когнитивной базы становятся еще более размытыми. С этой точки зрения было бы ошибочным в многокомпонентной структуре данного имени менее частотные признаки не относить к значимым. Рассмотрим структуру имени, обратившись к материалам эксперимента.

Прецедентное имя *Печорин* в восприятии подростков состоит из следующих признаков: *эгоист* (14 %); *жестокий* (13 %); *щущий себя, стремящийся к лучшему* (12 %); *фаталист* (11 %); *сложный, противоречивый* (10 %); *лишний, ненужный, не нашедший своего места в жизни* (10 %); *умный* (10%); *странный, неординарный, необычный, загадочный* (7 %); *разочарованный* (7 %); *благородный* (7 %); *способный к самоанализу, контролю чувств* (6 %); *ловелас* (5 %); *холодный, хладнокровный* (4 %); *не имеющий цели в жизни* (3 %); *страдающий* (2 %); *одинокий* (2 %); *честный* (2 %); *свободолюбивый* (2 %). В одиночных ответах зафиксированы признаки: *хитрый и озлобленный; лентяй; мнящий себя "избранником"; сильный, мужественный; смелый человек*.

Респонденты имели возможность указывать несколько дифференциальных признаков, в результате чего выявляется сложная система пересечений и взаимовлияний смыслов, не позволяющая редуцировать инвариант представлений до 1-2 единиц, отсекая

остальные как не входящие в когнитивную базу. Приведем некоторые примеры ответов: *романтик и жестокий человек, способный анализировать свои поступки; очень умный человек, похититель женских сердец, пришлось немало видеть в жизни; ловелас, жестоко поступающий с женщинами; эгоизм, сумасбродство, благородство, любовь; разочарованный, одинокий, не способный найти себе применение, страдающий; хладнокровный, противоречивый, играет душами и судьбами людей; фаталист, странный, психолог; талантливый человек с неординарными способностями, который не может найти им достойное применение; стремящийся к лучшему человек, неспособный к любви, дружбе; эгоист, человек, живущий не в согласии с самим собой; холодность, интуиция, люди для него - объект экспериментов; отсутствие цели в жизни при наличии хорошего образования и благородных стремлений*. Как можно заметить, лексические ряды, в которые помещен тот или иной признак, в совокупности дают целостное представление о структуре имени и потенциальной актуализации ее составляющих. Для носителя русской культуры очевидно, что понятия *эгоист*, *жестокий человек* не являются информативно достаточными при описании коллективных представлений, связанных с именем *Печорин*. Иными словами, вычленение наиболее частотных признаков в данном случае не тождественно выявлению национально детерминированного минимизированного инварианта представления. Сложность денотата прецедентного имени влечет за собой многокомпонентность ядерной части его структуры. Обращает на себя внимание тот факт, что подростки, эксплицируя свои представления, почти не обращаются к использованию речевых штампов. Прецедентные высказывания *лишний человек* и *страдающий эгоист* использованы лишь 5 % респондентов, в остальных случаях старшеклассники предпочли самостоятельно преодолевать трудности вербализации. Примечательно также полное отсутствие признаков, характеризующих денотат по внешности. Хотя подобное употребление имени можно встретить на страницах популярной в молодежной среде литературы: "Фандорин, которого

она считала порядочным человеком, - полицейский агент? А еще *Печорина* из себя разыгрывает! Интересная бледность, томный взор, благородная седина. Вот и доверяй после этого людям”. [Акунин Б. Турецкий гамбит. М., 2000: 38]. Впрочем, собственно характеристикой по внешности это описание назвать нельзя. За каждым из признаков угадывается характер, модель поведения (черты благородства, следы жизненных испытаний, опытность завязатого сердцеда, неординарность личности и претензии на исключительность – словом, именно те признаки, которые были названы подростками).

До сих пор речь шла о прецедентных именах, имеющих тесную связь с текстом – источником. Рассмотрим структуру имени, функционирующего в значительной степени автономно. Процент “опознавания” имени *Обломов* среди подростков старшего школьного возраста составляет 95 %, и это на 18 % выше, чем результаты разновозрастной группы респондентов в исследованиях Д.Б. Гудкова. Однако непосредственное знакомство с текстом романа Гончарова обнаружили лишь 42 % старшеклассников. Таким образом, получает подтверждение мысль о том, что литература оказывает заметное, хотя и не вполне осознаваемое влияние на формирование дискурсивного мышления школьников: “В большинстве случаев это влияние оказывается опосредованным, в связи с чем понимание ПТ становится независимым от текста – источника” [1, 150]. Имя *Обломов* функционирует в качестве символа, но не соответствующего прецедентного текста, а “являет собой модель поведения, выступая в данном случае как безусловный символ” [6, 108]. Подавляющее большинство ответов содержит признак *лень* (*ленивый, лентяй, ленивец*) (46 %) и близкие к нему по смыслу: *бездельник* (10%); *лежебока* (7 %). Концепты, стоящие за этим именем, в словаре Даля представлены следующим образом: “Обломовщина, усвоено из повести Гончарова: русская вялость, лень, косность, равнодушие к общественным вопросам, требующим дружной деятельности, бодрости, решимости и стойкости, привычка ожидать всего от других, а ничего от себя; непризнание за собою никаких мирских обязанностей, по пословице: на

других надеется, как на Бога, а на себя, как на черта” [8: II, 593]. Понятие репрезентируется как этнически детерминированное: “Лень мыслится на уровне ментальных стереотипов русской национальной чертой, неотделимой от национальной культуры” [14, 79]. Вышесказанное находит подтверждение и в современном дискурсе. Например, в статье с подзаголовком “*Обломов* и Емеля в одном флаконе” [АиФ, 2003] вполне предсказуемо речь идет о том, что у русского человека ценность труда стоит далеко не на первом месте. Лень представлена в ней как национальная черта: “Хорошо известен стереотип русского человека: эдакий Емеля, который всю свою сознательную жизнь сидит на печи, а потом в одной руке у него чудом оказывается щука, в другой – прекрасная царевна”.

Характер употребления прецедентных имен *Обломов* и *Емеля* обусловлен наличием общенационального инварианта их восприятия. О дифференциальных признаках, составляющих ядерную часть инварианта восприятия имени *Обломов*, уже говорилось. Добавим, что это имя в отличие от большинства других, включенных в анкету, содержит в своей структуре один из атрибутов – *диван* (7 %). Примеры таких ответов: *лежит все время на диване; постоянно валяется на диване; всю жизнь провел на диване* и др.

Особый интерес в данном случае вызывает бытующая в русском коллективном языковом сознании оценка денотата имени *Обломов*. Аксиологичность считается одним из наиболее ярких признаков прецедентного имени. Анализируя контекст, в который респондентами помещен доминирующий признак, в большинстве случаев можно обнаружить явно выраженную оценку: *ленивый, сонный, мечтающий, но добрый; ленивый, недеятельный человек с чистой душой; добрый, милый, бездеятельный, ленивый; ленивый, умный, приятный собеседник; ленивый, умный, с доброй и умной душой; очень хороший, но ленивый человек; ленивый человек, но с хорошей душой, приверженец мира, покоя, тихого счастья; чуткий, ленивый, мечтатель, увалень, добрый лентяй*. Эта оценка, как видим, не является отрицательной, нельзя ее назвать и неоднознач-

ной, противоречивой, а Д.Б. Гудков в своем исследовании даже определяет ее как “положительно-снисходительную”, с чем можно согласиться. Примечательно то, насколько часто подростки обращаются к концепту *душа*, которому уделяется особое место среди других концептов: “В наиболее полной мере особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры. Я имею в виду такие понятия, как *душа*, *судьба* и *тоска*, которые постоянно возникают в повседневном речевом общении и к которым неоднократно возвращается русская литература (как “высокая”, так и народная)” [5, 40].

Ответы, содержащие категоричную оценку со знаком минус, единичны: *деградирующий; псевдофилософ, лентяй, болтун; праздность и сытость, бессмысленная жизнь*. Отрицательные характеристики в целом немногочисленны и лишены яркой эмоциональной окраски: *ленивый, всегда не может решить свои проблемы; ленив и равнодушен к жизни; бездеятельность, вечное откладывание на потом; ленив и несчастлив, но по своей вине*. Кстати, упоминаемая газетная статья имеет еще один подзаголовок: “Лень у нас в почете”.

Итак, прецедентное имя может служить символом соответствующего текста (*Раскольников, Печорин*), а также может быть символом определенных черт национального характера (*Обломов*). Рассмотрим еще один пример проявления символической функции таких имен. Прецедентное имя *Кутузов*, по данным опроса Фонда общественного мнения, входит в число десяти имен исторических личностей, воспринимаемых в качестве символов Российского государства [АиФ, 2003]. Признаки, выраженные в его структуре посредством лексем *народ, нация, народный, национальный, русский, Россия*, составляют 30% от общего числа. Старшеклассникам данное имя было представлено в контексте с именами других персонажей романа “Война и мир” (последним в списке наряду с именем *Наполеон* и без уточнения, какой из аспектов имеется в виду – исторический или литературный). При 91 % “опознаваемости” 32 % составляет вполне прогнозируемый ответ *великий*

полководец и близкие по смыслу ответы: *выдающийся военачальник; предводитель, герой армии; талантливый генерал* (один из ответов – *генерал Красной армии*; к этой же группе можно отнести экспликацию представлений посредством другого прецедентного имени – *Суворов*). Указанный признак сам по себе можно считать информационно достаточным, однако респонденты помещали его в лексические ряды, которые не оставляют сомнения в том, что имя функционирует как символ соответствующего прецедентного текста. Материалы исследования дают основание считать, что денотат имени *Кутузов* воспринимается старшеклассниками именно в интерпретации Толстого:

спокойный, медленный человек, хороший психолог и военачальник, считает, что судьба не подвластна воле человека;
опытный полководец, прекрасно чувствующий своих подчиненных, строящий процесс на нравственных отношениях;
настоящий представитель русской нации, антипод Наполеону, гениальный полководец;
великий русский полководец, вдохновитель и организатор побед русского народа (*любопытно использование подростком речевого штампа советского периода*), русский человек, чуждый притворству;
настоящий народный полководец, мудрый воин;
великий руководитель, любит и заботится об армии;
военачальник, который заботится об армии, знает, что должен спасти страну, но не уверен в выбранной тактике;
ответственность, патриотизм, истинный главнокомандующий;
не напыщенный, в отличие от Наполеона, близкий народу полководец, душой чувствующий войну.

Не углубляясь в анализ восприятия подростками прецедентного имени *Наполеон*, отметим, что его функционирование особенно наглядно выявляет возможность различий между национально детерминированным минимизированным представлением о “культурном предмете” и тем представлением о нем, которое содержится в индивидуальном когнитивном пространстве

той или иной языковой личности. Весьма показательны в этом отношении ответы: *разные люди воспринимают Наполеона по-разному, Толстой показывает его отрицательным героем, бесчеловечным и самоуверенным;*

выдающаяся личность, гений, которого, по моему мнению, слишком опустил Толстой (способ выражения оставим на совести СМИ, активно внедряющих такую лексику в обиход).

Тот факт, что прецедентное имя *Кутузов* актуализирует у носителя русского языкового сознания коннотации, связанные не с реальной прецедентной ситуацией, а с национально - прецедентным текстом, дополнительно проиллюстрируем примером. В статье о министре обороны С. Иванове, длительное время не высказывающем своей позиции по военной реформе, читаем: “Мы знали позицию начальника Генштаба, мы догадывались о позиции премьер-министра... Эти мнения могли вызывать вопросы в разных своих аспектах. И только про Иванова все уверенно говорили: он соблюдает нейтралитет. Просто Кутузов какой-то” [МК, 2003].

В заключение отметим, что исследование национально-культурной составляющей дискурса подростков представляет интерес не только с позиций этнопсихолингвистики, лингвокультурологии, возрастной лингвистики и проблем межкультурной коммуникации, но и дает основания не вполне доверять стереотипам, сложившимся в отношении представителей молодежной среды. Подростки вполне владеют “среднестатистическими” для русского языкового сознания представлениями, ключевые концепты национальной культуры воспринимаются ими как личностно значимые, языковая личность подростка, раскрываясь в дискурсе, позволяет говорить об отчетливо выраженном творческом начале в ее структуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аниськина Н.В. Языковая личность современного старшеклассника. Дисс...канд. филол. наук/ Н.В. Аниськина. - Ярославль, 2001.
2. Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический ас-

пект) / Ю.Д. Апресян // Избр. труды. - Т.2. - М., 1995.

3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт/ Н.Д. Арутюнова. - М., 1988.

4. Богин Г.И. Субстанциональная сторона понимания текста/ Г.И. Богин. - Тверь, 1997.

5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание/ А. Вежбицкая. - М., 1997.

6. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности/ Д.Б. Гудков. - М., 1999.

7. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации/ Д.Б. Гудков. - М., 2003.

8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка/ В.И. Даль: В 4-х т. - М., 1998.

9. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов/ И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация. - Вып.1. - М., 1997.

10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность/ Ю.Н. Караулов. - М., 2002.

11. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика/ И.М. Кобозева. - М., 2000.

12. Красных В.В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность?/ В.В. Красных. - М., 2003.

13. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики/ А.А. Леонтьев. - М., 1999.

14. Садуллаева Ж.Р. Концепты русской ментальности в романе И.А. Гончарова “Обломов”: Дисс...канд. филол. наук. /Ж.Р. Садуллаева. - СПб, 2000.

15. Слышкин Г.Г. От текста к символу/ Г.Г. Слышкин. - М., 2002.